

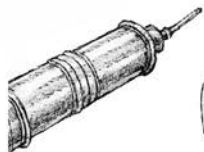

JAROSLAV HAŠEK;
OSUDY DOBRÉHO
VOJÁKA ŠVEJKA
ZA SVĚTOVÉ VÁLKY.

Ярослав
Газтик

Проходени

Бравозо
солдата

Вейка

Пом

ГОРОДЕЦ
ФЛЮИД

Москва, 2020

УДК 82-313.1
ББК 84(4Чех)
Г 24

*Перевод с чешского П.Г. Богатырева
Художник Иван Иванов*

Г 24 Ярослав Гашек

Похождения бравого солдата Швейка: Роман, в 2-х томах / Т. 1 — М.:
ИД «Городец-Флюид», 2020. — 512 с.

Два тома эксклюзивного иллюстрированного издания бессмертной комической эпопеи Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» включают в себя все четыре книги романа, а также исследование С. В. Никольского, в котором освещается творческая история создания знаменитой эпопеи и ее главного героя — одного из самых известных образов мировой литературы XX века, документально доказывается существование реального Йозефа Швейка, послужившего прототипом героя Гашека, и предпринята реконструкция замысла тех частей романа, что остались незавершенными.

ISBN (общ.) 978-5-907220-34-8
ISBN (т.1) 978-5-907220-35-5

© ИД «Городец Флюид», 2020
© И. Иванов, иллюстрации, 2020
© Никольский, предисловие, 2020

Ярослав Гашек и его роман о Швейке

Как-то раз на одной из выставок графики в Москве можно было увидеть остроумный рисунок, на котором были изображены земной шар и три поддерживающие его фигуры — Дон Кихот, Гамлет и Швейк. Три олицетворения разных сторон человеческого духа — веры, сомнения и юмора. Швейк принадлежит сейчас к числу самых известных образов мировой литературы, ставших общезначимыми символами. Любопытно при этом, что создан этот знаменитый образ автором, который, казалось бы, не отличался особым усердием в литературном творчестве. Писал Гашек, словно довольствуясь импровизацией, не признавал ни набросков, ни черновиков, рукописей практически не правил. Только что написанные странички романа о Швейке он сразу отправлял в издательство, а себе оставлял всего две-три строчки, чтобы не забыть, на чем остановился. Он не склонен был просиживать над листом бумаги дни и ночи, предпочитая проводить время в богемных компаниях, в кабачках и пивных или в странствиях, общаясь с пастухами, бродягами и цыганами. Часть рассказов он откровенно писал для заработка и действительно не придавал им особого значения. Иногда

Новые рассказы о Швейке, написанные разными авторами, появлялись в газетах Юго-Западного фронта, в обороняющемся Ленинграде и т. д. В течение трех лет, с 1941 по 1944 год включительно, в газете Западного фронта «Красноармейская правда» М. Р. Слободской публиковал главы повести «Новые похождения Швейка» (всего вышло около 90 глав). Неоднократно они перепечатывались и в других армейских газетах, передавались по радио, выходили в виде книжных изданий. Известный кинорежиссер Сергей Юткевич снял о Швейке два фильма.

О популярности имени Гашека в нашей стране свидетельствует читательский спрос на книги чешского чародея юмора и смеха. Известен случай, когда «Похождения бравого солдата Швейка» были выпущены на русском языке тиражом ровно миллион экземпляров, и все равно книга сразу же разошлась. Общий тираж книжных изданий Гашека в СССР еще в 1989 году превысил 16 миллионов экземпляров. Нет сомнений, что Гашек останется одним из любимых авторов и для читателей XXI века.

С. В. Никольский

Предисловие

Великой эпохе нужны великие люди. На свете существуют непризнанные скромные герои, не завоевавшие себе славы Наполеона. История ничего не говорит о них. Но при внимательном анализе их слава затмила бы даже славу Александра Македонского. В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристает, но и к нему не пристаю́т журналисты с просьбой об интервью. Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно: «Швейк». И действительно, этот тихий, скромный человек в поношенной одежде — не кто иной, как старый бра́вый солдат Швейк, отважный герой, имя которого еще во времена Австро-Венгрии не сходило с уст всех граждан Чешского королевства и слава которого не померкнет и в республике.

Я искренне люблю бравого солдата Швейка и, представляя вниманию читателей его похождения во время мировой войны, уверен, что все они будут симпатизировать этому непризнанному герою. Он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии.

И этого вполне достаточно.

Автор

**Часть
первая**

Вмѣстѣ

Глава I

Вторжение бравого солдата Швейка в мировую войну

— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка.

Швейк несколько лет тому назад, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушел с военной службы и теперь промышлял продажей собак — безобразных ублюдков, которым он сочинял фальшивые родословные.

Кроме того, он страдал ревматизмом и в настоящий момент растирал себе колени оподельдоком.

— Какого Фердинанда, пани Мюллер? — спросил Швейк, не переставая массировать колени. — Я знаю двух Фердинандов. Один служил у фармацевта Пруши и выпил у него как-то раз по ошибке бутылку жидкости для рашения волос, а еще есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко.

— Нет, сударь, эрцгерцога Фердинанда. Того, что жил в Конопище, того толстого, набожного...

— Иисус Мария! — вскричал Швейк. — Вот те на! А где это с паном эрцгерцогом случилось?

— Укокошили его в Сараеве. Из револьвера. Ехал он там со своей эрцгерцогиней в автомобиле.

— Скажите, пожалуйста, пани Мюллер, в автомобиле! Конечно, такой барин может себе это позволить. А наверно, и не подумал, что эти автомобильные поездки могут плохо кончиться. Да еще в Сараеве! Ведь это Сараево в Боснии, пани Мюллер... А подстроили это, видать, турки. Нечего нам было соваться отнимать у них Боснию и Герцеговину... Так вот какие дела, пани Мюллер. Эрцгерцог, значит, приказал долго жить. Долго мучился?

— Пан эрцгерцог сразу был готов, сударь. Известно — с револьвером шутки плохи. Недавно тут у нас в Нуслях забавлялся револьвером один господин и перестрелял всю семью да еще швейцара, который пошел посмотреть, кто там стреляет с четвертого этажа.

— Из иного револьвера, пани Мюллер, хоть лопни — не выстрелишь. Таких систем — пропасть. Но для пана эрцгерцога, наверно, купили что-нибудь особенное. К тому же я готов биться об заклад, что человек, который стрелял, по такому случаю как следует разделся. Известное дело, стрелять в эрцгерцога — работа нелегкая. Это не то что бродяге подстрелить лесника. Все дело в том, как до него добраться. К такому барину в лохмотьях не подойдешь. Нужно обязательно надеть цилиндр, а то того и гляди сцапает полицейский.

— Говорят, сударь, народу там много было.

— Это само собой, пани Мюллер, — подтвердил Швейк, заканчивая массаж колен. — Если бы вы, например, пожелали убить эрцгерцога или государя-императора, вы обязательно с кем-нибудь посоветовались бы. Ум хорошо — два лучше. Один присоветует одно, другой — другое, «и путь открыт к успехам», как поется в нашем гимне. Главное дело — разнюхать, когда такой барин поедет мимо. Помните господина Люккени, который проткнул нашу покойную Елизавету на-

пильником? Ведь он с ней прогуливался. Вот и верьте после этого кому-нибудь! С той поры ни одна императрица не ходит гулять. Это случится еще со многими. Вот увидите, пани Мюллер, что они доберутся и до русского царя с царицей, а может быть, не дай Бог, и до нашего государя-императора, раз уж начали с его дяди. У него, у старика, много врагов, побольше еще, чем у Фердинанда. Недавно в трактире один господин рассказывал: «Придет время — эти императоры полетят один за другим, и им даже государственная прокуратура не поможет». Потом оказалось, что этому типу нечем расплатиться за пиво, и трактирщику пришлось позвать полицию, а он дал трактирщику оплеуху, а полицейскому — две. Потом его увезли в корзине очухаться... Да, пани Мюллер, дела нынче творятся! Значит, еще одна потеря для Австрии. Когда я был на военной службе, так там один пехотинец застрелил капитана. Зарядил ружье и пошел в канцелярию. Там сказали, что ему в канцелярии делать нечего, а он все свое: должен, мол, говорить с капитаном. Капитан вышел и лишил его отпуска из казармы, а он взял ружье и — бац ему прямо в сердце! Пуля пробила капитана насквозь да еще наделала в канцелярии бед: расколола бутылку с чернилами, и они залили служебные бумаги.

— А что стало с тем солдатом? — спросила минуту спустя пани Мюллер, когда Швейк уже одевался.

— Повесился на помочах, — ответил Швейк, чистя свой котелок. — А помочи-то были не его, он их одолжил у тюремного сторожа. У него, дескать, штаны спадают. Не ждать же ему было, пока его расстреляют? Да ведь понятно, пани Мюллер, в таком положении у кого голова кругом не пойдет! Тюремного сторожа разжаловали и вкатили ему шесть месяцев, но он их не отсидел, удрал в Швейцарию и теперь проповедует там в какой-то церкви. Нынче честных людей мало, пани Мюллер. Думается мне, что эрцгерцог Фердинанд в этом самом Сараеве ошибся в том человеке, который его застрелил. Увидел небось этого господина и подумал: «Должно быть, порядочный человек, раз меня приветствует». А тот возьми да и хлопни. Одну всадил или несколько?

— Газеты, сударь, пишут, что эрцгерцог был как решето. Тот выпустил в него все патроны.

— Это очень быстро делается, пани Мюллер. Страшно быстро. Я бы для такого дела купил себе браунинг: на вид игрушка, а из него можно в две минуты перестрелять двадцать эрцгерцогов, хоть тощих, хоть толстых. Впрочем, между нами говоря, пани Мюллер, в толстого эрцгерцога вернее попадешь, чем в тощего. Может, помните, как в Португалии подстрелили ихнего короля? А он был во какой толстый! Вы и сами ведь понимаете, тощим король не будет... Ну, я пошел в трактир «У чаши». Если придут брать терьера, за которого я взял задаток, то скажите, что я держу его на своей псарне за городом, что недавно подрезал ему уши и, пока уши не заживут, перевозить щенка нельзя, а то их можно застудить. Оставьте ключ у привратницы.

В трактире «У чаши» сидел только один посетитель. Это был агент тайной полиции Бретшнейдер. Трактирщик Паливец мыл посуду, и Бретшнейдер тщетно пытался завязать с ним серьезный разговор.

Паливец был известный грубиян. Каждое второе слово у него было «задница» или «дерьмо». Но при этом он был начитан и всем советовал прочесть, что написал Виктор Гюго о последнем предмете, рассказывая о том, как ответила англичанам Старая наполеоновская гвардия в битве при Ватерлоо.

— Хорошее лето стоит, — завязывал Бретшнейдер серьезный разговор.

— Всему этому цена дерьмо! — ответил Паливец, убирая посуду в шкаф.

— Ну и наделали нам в Сараеве делов! — со слабой надеждой промолвил Бретшнейдер.

— В каком «Сараеве»? — спросил Паливец. — В нусельском трактире, что ли? Там драки каждый день. Известное дело — Нусли!

— В Боснийском Сараеве, пан трактирщик. Застрелили там эрцгерцога Фердинанда. Что вы на это скажете?

— Я в такие дела не вмешиваюсь. Ну их всех в задницу с такими делами! — вежливо ответил пан Паливец, закуривая

трубку. — Нынче вмешиваться в такие дела — того и гляди, сломаешь себе шею. Я трактирщик. Кто ко мне приходит, требует пива, я тому и наливаю. А какое-то Сараево, политика или там покойный эрцгерцог — нас это не касается. Не про нас это писано. Это Панкрацем пахнет.

Бретшнейдер умолк и разочарованно оглядел пустой трактир.

— Здесь прежде висел портрет государя-императора, — минуту спустя опять заговорил он. — Как раз на том месте, где теперь зеркало.

— Да, правду изволите говорить, — ответил пан Паливец, — висел. Да только гадили на него мухи, так я его убрал на чердак. Знаете, еще позволит себе кто-нибудь на этот счет замечание, и может выйти неприятность. На кой черт мне это надо?

— В Сараеве, должно быть, очень скверно было, пан трактирщик?

На этот прямо поставленный коварный вопрос пан Паливец ответил чрезвычайно осторожно:

— Да, в это время в Боснии и Герцеговине страшно жарко. Когда я там служил, нашему обер-лейтенанту приходилось прикладывать лед к голове.

— В каком полку вы служили, господин трактирщик?

— Я таких мелочей не помню, я никогда не интересовался такой мерзостью, — ответил пан Паливец. — Я на этот счет не любопытен. Излишнее любопытство вредит.

Тайный агент Бретшнейдер окончательно умолк, и его нахмуренное лицо повеселело только с приходом Швейка, который, войдя в трактир, заказал себе черного пива, заметив при этом:

— В Вене сегодня тоже траур.

Глаза Бретшнейдера загорелись надеждой, и он быстро проговорил:

— В Конопище вывешено десять черных флагов.

— Нет, должно быть, двенадцать, — сказал Швейк, отпив из кружки.

— Почему вы думаете, что двенадцать? — спросил Бретшнейдер.

— Для ровного счета — дюжина. Так считать легче, да на дюжину и дешевле выходит, — ответил Швейк.

Вцарилась тишина, которую нарушил сам Швейк, вздохнув:

— Так, значит, приказал долго жить, царство ему небесное! Не дождался, пока будет императором. Когда я служил на военной службе, один генерал упал с лошади и расшибся. Хотели ему помочь, посадить на коня, посмотрели, а он уже готов — мертвый. А ведь метил в фельдмаршалы. На смотре это с ним случилось. Эти смотры никогда до добра не доводят. В Сараеве небось тоже был какой-нибудь смотр. Помню я, как-то на смотре у меня на мундире не хватило двадцатой пуговицы, и за это меня посадили на четырнадцать дней в одиночку. И два дня я, как Лазарь, лежал, связанный «козлом». Ничего не поделаешь — на военной службе должна быть дисциплина. Не будь ее, всем было бы на все наплевать. Наш обер-лейтенант Маковец всегда нам говорил: «Дисциплина, болваны, необходима. Не будь дисциплины, вы бы, как обезьяны, по деревьям лазили. Военная служба из вас, дураки безмозглые, людей сделает!» Ну, разве это не так? Вообразите себе сквер, скажем, на Карловой площади, и на каждом дереве сидит по одному солдату без всякой дисциплины. Это меня ужасно пугает.

— Все это сербы наделали, в Сараеве-то, — старался направить разговор Бретшнейдер.

— Ошибаетесь, — ответил Швейк, — это все турки натворили. Из за Боснии и Герцеговины.

И Швейк изложил свой взгляд на внешнюю политику Австрии на Балканах: турки проиграли в 1912 году войну с Сербией, Болгарией и Грецией; они хотели, чтобы Австрия им помогала, а когда этот номер у них не прошел, — застрелили Фердинанда.

— Ты турок любишь? — обратился Швейк к трактирщику Паливцу. — Этих нехристей? Ведь нет?

— Посетитель как посетитель, — сказал Паливец, — хоть бы и турок. Нам, трактирщикам, до политики никакого дела нет. Заплати за пиво, сиди себе в трактире и болтай что в го-

Содержание

<i>Никольский С.В. Ярослав Гашек и его роман о Швейке</i>	5
<i>Предисловие</i>	23

Часть первая

В тылу

Глава I. Вторжение бравого солдата Швейка в мировую войну.....	27
Глава II. Бравый солдат Швейк в полицейском управлении.....	39
Глава III. Швейк перед судебными врачами.....	48
Глава IV. Швейка выгоняют из сумасшедшего дома.....	56
Глава V. Швейк в полицейском комиссариате на Сальмовой улице.....	63
Глава VI. Прорвав заколдованный круг, Швейк опять очутился дома.....	72
Глава VII. Швейк идет на войну.....	84
Глава VIII. Швейк – симулянт.....	92
Глава IX. Швейк в гарнизонной тюрьме.....	111
Глава X. Швейк в денщиках у фельдкурата.....	134
Глава XI. Швейк с фельдкуратом едут служить полевую обедню.....	160
Глава XII. Религиозный диспут.....	172
Глава XIII. Швейк едет соборовать.....	180
Глава XIV. Швейк в денщиках у поручика Лукаша.....	196
Глава XV. Катастрофа.....	241
Послесловие к первой части «В тылу».....	256

Часть вторая

На фронте

Глава I. Злоключения Швейка в поезде.....	261
Глава II. Будейовицкий анабасис Швейка.....	283
Глава III. Приключения Швейка в Кираль-Хиде.....	357
Глава IV. Новые муки.....	424
Глава V. Из Моста-на-Литаве в Сокаль.....	450
<i>Примечания</i>	499